

На правах рукописи

Гукова Ангелина Валерьевна

**ЦИНИЗМ КАК КРИТИЧЕСКИ-РЕФЛЕКСИВНАЯ ФОРМА
МИРОВОЗРЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

09.00.11 – Социальная философия

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент
Петренко Валерия Владимировна

Официальные оппоненты:

Пузиков Владимир Георгиевич, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», кафедра всеобщей истории, социологии и политологии, профессор

Шапвалова-Гупал Татьяна Александровна, кандидат философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный архитектурно-строительный университет», кафедра философии и истории, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет путей сообщения»

Защита состоится 09 октября 2019 г. в 12 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.01, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 4 ТГУ, аудитория 306).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/GukovaAV09102019.html>

Автореферат разослан « ____ » сентября 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Эннс Ирина Андреевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования связана с тем, что внимание к теме цинизма спровоцировано двумя объективными аспектами: 1. внутриакадемическим интересом к указанному концепту; 2. социальными, политическими, культурными обстоятельствами, актуализирующими необходимость соответствующей тематизации цинического.

1. Внутри актуальной философской мысли развернута дискуссия по поводу «цинизма», что демонстрируют работы философов, ведущих о нем речь в контексте морали, политики, искусства и т. д. (П. Слотерадаек, С. Жижек, Т. Бьюз, Д. Мазела, Л. Д. Гудков).

Само понятие «цинизм» полемично и в горизонте современных социо-философских исследований имеет множество различных толкований, что указывает на полисемичность и поливариантность в трактовке цинического феномена. Традиционно «цинизму» приписывается негативная сигнификация, согласно которой он трактуется как деструктивный для моральной и ценностной ориентации субъекта. Однако в ситуации постсовременности, характеризуемой массовой переоценкой классических ценностных установок, такое использование понятия значительно сужает поле его концептуального применения. Это продемонстрировал П. Слотердаек, указав на «диффузность» актуального проявления цинического феномена в противовес «демонстративности» и «маргинальности» классически трактуемого цинизма. В наши дни «циническая проблематика» получает все более широкое распространение, само понятие «цинизм» становится общеупотребимым и произвольно применяемым ко множеству самых разных феноменов, а обилие работ по заявленной тематике позволяет констатировать, что границы данного концепта недостаточно оговорены. Тревога «по поводу цинизма» (под которым принято понимать все что угодно) набирает силу в Европе и США, о чем свидетельствуют программные речи государственных деятелей, социологические исследования и исследовательские проекты, направленные на отслеживание уровня цинизма и причин его возникновения в различных профессиональных областях.

Активные исследования современного цинического феномена на Западе начались еще в 80-х годах прошлого века, и «цинизм» был тематизирован и концептуализирован в существующем на тот момент социокультурном горизонте. Следовательно, дополнительную актуальность диссертационной работе придает то обстоятельство, что представленный анализ укладывается в отечественный социокультурный контекст.

Таким образом, для продолжения дискуссии нужно определиться с тем, какие аспекты интересующего нас феномена являются определяющими, фундаментальными, а, значит, необходимо содержательно и формально-теоретически артикулировать и оценить данное явление.

2. Философская рецепция феномена всегда связана с требующими соответствующего осмысления и тематизации общественными, культурными, экономическими, политическими обстоятельствами

На данном этапе исторического и культурного развития общество еще не изжило последствия травмирующих событий XX века, столкновения в сознании двух диаметрально противоположных систем осмысления жизни и событий – Модерна и Постмодерна - и повсеместное недоверие к идеям прогресса. Складывается новый тип современной реальности, в основании которого лежит: изменившееся значение экономики, понимаемой как структурирующая сила для всех общественных сфер (включая сферу межличностных отношений), недоверие к социальным начинаниям как заведомо провальным и даже пагубным и растущее у человека ощущение неаутентичности, «иллюзорности» собственной жизни, связанное с засильем в культуре симулятивной составляющей. Специфическую форму современного сознания и самосознания называют «цинизмом» и связывают с разрушением устойчивых основ осмысления и понимания современного общества.

Изменения, произошедшие в поле социального, отразились на сознании индивидов, на их восприятии происходящего. В такой ситуации индивид предпочитает воздерживаться от суждений, уклоняться от необходимости принимать решения и совершать выбор. Тем не менее, наряду с уклонением от необходимости как-то действовать, у современного субъекта можно отчетливо проследить потребность в обретении устойчивого основания, требуемого для внятной идентификации. Такая амбивалентность реакций современного субъекта порождена «расколотостью», даже «раздвоенностью» его сознания, которое, по мнению П. Слотердайка, усвоило общезначимые гуманистические установки Просвещения, но не желает им следовать исходя из собственных эгоистических соображений.

С практической точки зрения актуальность исследования обусловлена тем, что в рамках цинической формы мировоззрения могут развиваться деструктивные социальные и культурные явления. Неизбежно сопутствующая циническому мировоззрению переоценка ценностей и ориентация на личную выгоду может послужить оправданием намеренного игнорирования разного рода социальных и общественных проблем (например, социальные проблемы людей с ограничениями жизнедеятельности (инвалидов)). Безусловно, такое состояние сознания, на первый взгляд, выступает осложняющим фактором для внедрения гуманистически-ориентированных социальных и культурных программ и для формирования не только устойчивого, но и открытого общества.

Таким образом, **проблема** исследования может быть сформулирована в форме вопроса: как современный субъект может существовать и действовать в условиях такого «противоречивого» сознания?

Степень теоретической разработанности проблемы.

Понятие «цинизм» в современном социально-гуманитарном дискурсе является сложным и концептуально насыщенным. Существует множество определений термина, содержательное наполнение которого осложняется проникновением самого слова «цинизм» в повседневную речь. В основном, цинизм рассматривается как негативный, деструктивный и подрывной феномен,

в первую очередь связанный с моралью и используемый в контексте обсуждения этических вопросов.

Тем не менее, сам феномен цинизма исследован недостаточно полно. Для прояснения семантики современного понятия «цинизм» следует обратиться к традиции античного кинизма как исторически первой форме цинического умонастроения.

Античный кинизм становится предметом исследования в работах таких видных отечественных философов, как А. Ф. Лосев и И. М. Нахов. В частности, И. М. Нахов собрал целую «Антологию кинизма», в которой обобщил сохранившиеся до нашего времени тексты представителей кинической философской мысли. В том или ином виде кинизм представлял интерес для таких авторов, как В. Ф. Асмус, А. А. Гусейнов, М. А. Можейко. В их работах цинизм стал предметом изучения «по преимуществу» как ранняя философская школа, существовавшая в определенный период времени и имевшая своих ярких представителей.

Переосмысление и современную трактовку феномена «цинического» предлагает П. Слотердаик в работе 1983 года «Критика цинического разума». Его усилиями была сформулирована концепция «диффузного цинизма», в которой он анализирует цинизм как феномен, сквозной нитью проходящий через всю историю человеческой культуры. Работа немецкого интеллектуала послужила отправной точкой для исследования цинизма не только как философского направления или типа личности, но и как определяющего социального и культурного явления.

Исследованиям современного цинизма посвящены труды многих зарубежных авторов из числа философов, социальных теоретиков, практикующих социологов и культурологов. К целостному анализу цинического феномена обращены работы Т. Бьюза, Л. Лангстраат, Д. Мазелы, Б. Рассела, Ш. Стенли. В числе отечественных философов, занимавшихся проблемой цинизма, следует назвать Л. Д. Гудкова, С. А. Зеленского, В. Н. Кораблева, В. И. Кудрявцеву, С. Е. Кургинян, В. В. Петренко. Отдельно стоит отметить проведенную в России в 2015 году конференцию «Интеллектуальная тревога: проблема лжи и цинизма в политике», посвященную цинизму в политике. По итогам конференции была выпущена монография, в которой рассматривались аспекты возможных тематизаций политического цинизма в современной России.

Тему цинизма как социального и морального феномена затрагивали такие диагносты собственного времени, как М. Горький, Х. Ортега-и-Гассет, В. Янкилевич, С. Жижек, М. Онфре.

Специфику исследуемого феномена невозможно представить без обращения к анализу современной социокультурной ситуации в целом. Современность тематизирована в работах З. Баумана, Ж. Бодрийяра, Р. Гвардини, Э. Гидденса, Т. Х. Керимова, Ж. Липовецки, В. Н. Сырова, имеющих отчетливо выраженный социально-философский подтекст. Травматический потенциал современной культуры стал предметом анализа в исследованиях известного польского социолога П. Штомпки.

Реконструкция истоков современной формы цинизма потребовала обращения к изучению специфики Просвещения, а, следом, Постмодерна как культурного и общественного этапа в истории западной цивилизации новейшего образца. Эпоха Просвещения панорамно представлена в трудах видных философов того времени – Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, а также и историко-философской работе Дж. Грея. Наиболее полно специфика Постмодерна раскрыта в работах П. Андерсена, Ф. Джеймисона, И. П. Ильина, Ж. Ф. Лиотара, Д. Уэста, М. М. Федоровой, К. Харта.

Обращение к онтологическому горизонту в исследовании цинического феномена реализуется на основании работ, посвященных описанию бытийных характеристик современного субъекта. Наиболее очевидно этот интерес проявился в работах Ф. Гваттари, В. Декомба, Ж. Делеза, Ж. Лакана, М. Фуко, Е. В. Биричевой, Д. Э. Гаспарян, А. Н. Ильина, И. В. Кузина.

Концептуальным дополнением стала проблематика несчастного сознания, впервые описанного в работах Г. В. Ф. Гегеля, а затем нашедшая продолжение в трудах Ж. Валя, А. В. Кожева, Н. В. Мотрошиловой, Л. Д. Хейде.

Объектом исследования выступает мировоззренческое обеспечение современной формы социальности.

Предметом исследования является специфика цинизма как критически-рефлексивной формы мировоззрения, релевантной современной форме социальности.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что цинизм как критически-рефлексивный тип мировоззрения запускает механизм специфической адаптивности, способный поддерживать и сохранять активность субъекта в ситуации «расколотого» сознания.

Цель исследования – обоснование и анализ цинизма как формы критически-рефлексивного мировоззрения применительно к современной форме социальности, трактуемой как состояние «культурной травмы»; разработка типологии, целостного представления о функциональной и социокультурной специфике данного феномена.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих научных задач:

1. Исследовать социокультурные особенности рубежа XX–XXI веков: выявить условия, причины и специфику актуализации цинического феномена. Концептуально обосновать возможности цинического как еще одной формы мировоззренческой ориентации, получившей в современности критически-рефлексивный разворот.

2. Исследовать функциональную специфику цинического мировоззрения в ситуации изменения субъективного опыта в связи с «ризомной» (Ж. Делез), «текучей» (З. Бауман) и нестабильной социальностью.

3. Выявить конструктивные и деструктивные проявления цинизма.

4. Рассмотреть специфические аспекты актуализации цинизма на индивидуальном и социальном уровне.

Теоретико-методологической основой диссертационной работы выступил корпус текстов, сфокусированных на исследовании и

концептуализации «цинического» в горизонте его исторических трансформаций и в аспекте перспективных проявлений применительно к устройству современного социального мира. Среди них: теоретическое представление цинизма у П. Слотердайка; работы Т. Бьюза, Л. Лангстраат, Д. Мазелы, Ш. Стенли, и др.

Методологическая база диссертации дополнена системным и аксиологическим подходами к анализу феномена цинизма: с их помощью была обеспечена целостность заявленного исследования. Важными для исследования выступили: генеалогический метод в духе М. Фуко; этнометодологический анализ, наследующий идеям Г. Гарфинкеля. Немаловажной для осмысления специфики современной субъективности выступила концепция субъекта, предложенная отечественным исследователем Е. В. Биричевой. Был задействован метод сравнительно-исторического анализа, позволивший последовательно эксплицировать проблему становления современного цинизма в контексте социокультурных и исторических общественных изменений.

Научная новизна исследования определяется результатами, которые получены в ходе решения поставленных в диссертации задач:

- установлено, что современную форму «цинического» следует поместить в контекст взаимосвязанности и взаимодополнимости онтологического и социального планов его представления;

- раскрыта специфика цинизма как критически-рефлексивной формы мировоззрения современного субъекта. Циническое мировоззрение осмысливается как тип организации сознания, который образует современного субъекта;

- цинизм рассматривается как метаисторический феномен, динамический связанный со спецификой социокультурной и исторической ситуации. Выявлено, что в зависимости от той или иной социокультурной ситуации, цинизм может демонстрировать конструктивный и деструктивный потенциал;

- осуществлена аппликация этнометодологической исследовательской программы на область современной социальности в горизонте цинического ее представления, что позволило обнаружить структуру «цинического» на уровне так называемых «фоновых ожиданий».

Положения, выносимые на защиту:

1. Переменчивость и нестабильность современной социальности отсылают к новому горизонту социальной онтологии, отличающемуся характеристиками становления и гетерогенности. Дефицит «бытийственности» применительно к современности приводит к невозможности отыскать надежное, гарантированное, однозначное онтологическое основание по примеру привычной, классической трактовки бытия. Современное сознание и самосознание индивидом своего положения в становящемся, плюральном, меняющемся мире неспособны остановиться в однажды запущенном процессе самоидентификации субъекта. Последний пребывает в ситуации, когда он с необходимостью и вынужденно примеряет на себя, а затем сохраняет и поддерживает множество, зачастую, противоречивых матриц идентичности. В сложившихся обстоятельствах «цинизм» заступает место ускользающего

основания бытия и, тем самым, пробует себя в качестве такого предельного основания. Оно конституирует определенный тип субъективности, позволяющий индивиду интерпретировать происходящее и сохранять как внешнюю, так и внутреннюю активность наименее затратным для собственных психоэмоциональных ресурсов образом.

2. На социальном уровне указанный онтологический горизонт создает условия, при которых цинизм предстает как форма критически-рефлексивного мировоззрения, как тип организации сознания, в рамках которого индивид реализует адаптивные стратегии приспособления. Амбивалентность современного типа социальности характеризуется противоречивыми тенденциями, которые демонстрирует субъект современности: 1) во-первых, классические социальные конструкты воспринимаются как репрессивные, в результате чего подвергаются пересмотру; 2) во-вторых, индивид с трудом отказывается от привычки соотносить себя с устойчивой ценностной норматикой. Такое «расколотое» состояние субъекта требует адекватной адаптивной стратегии, способной сглаживать названные противоречия. Цинизм выступает в качестве структуры, в рамках которой возможно существование сознания, лишенного возможности принять константную, устойчивую и инвариантную идентичность.

3. Адаптивные стратегии, реализуемые циническим мировоззрением, предстают в конструктивном и в деструктивном ключе. Они действуют как «эффект ансамбля», взаимно дополняя и достраивая друг друга до необходимого, универсального способа взаимодействия субъекта с миром. В своей конструктивной форме цинизм вооружает субъекта рефлексивной стратегией преодоления эмоциональной гегемонии и стандартизированных, ожидаемых эмоциональных реакций, формируемых информационной, социальной и культурной средой в ее нормирующей ипостаси. Такой тип сознания критически заострен по адресу любых очевидных истин и близок к позиции «здорового скептицизма». Для деструктивных проявлений цинической адаптационной стратегии характерна единичная подозрительность, которая трансформируется в повсеместную и универсальную и начинает выступать горизонтом вообще любого социального взаимодействия. По-настоящему подрывным аспектом такой адаптационной модели становится легитимация отчуждения, которую можно обнаружить в иллюстрирующих эту модель способах цинического действия: а) «циника-декадента», б) «циника-ироника» и в) «циника-релятивиста».

4. На собственно социальном уровне пущенные в ход адаптивные процессы могут быть охарактеризованы со стороны деконструкции основных общественных сфер. Деконструкция трактуется как «упрощение» реальности до того состояния, в котором индивид, носитель современного несчастного сознания, способен существовать минимизируя психоэмоциональные траты. Этнометодологический анализ современной социальности позволил установить, что социальные отношения выстраиваются с опорой на цинический модус поведения – субъект «собирает-для-себя» наличную реальность, переосмысливает и переинтерпретирует ее. Таким образом, реализация

субъектом любой из обозначенных адаптивных стратегий на индивидуальном уровне запускает механизм начальной деконструкции, касающейся переконфигурации основных социальных сфер: этической, эстетической, политической.

Деконструкция этической сферы может быть описана как специфическая моральная редукция, основанная на превосходстве частных интересов и на примирении в отношении заниженных ожиданий от поведения «другого». В горизонте эстетики деконструкция заявляет о себе как отказ от интерпретации и сознательное упрощение специфического эстетического восприятия до обыденного, привычного, зачастую клишированного – не требующего от субъекта какого-то дополнительного усилия. В политической сфере деконструкция проявляется как механизм разоблачения скрытых мотивов власти. Цинический субъект намеренно и окончательно снимает с себя ответственность за любое политическое действие, поскольку однажды приписал политике качество тотального и неистребимого аморализма.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании «цинизма» как критически-рефлексивной формы мировоззрения, исследовании цинического феномена в контексте взаимосвязанности и взаимодополнимости онтологического и социального планов его представления. Результаты исследования способствуют формированию нового концептуального представления о «цинизме», позволяют определить его роль и место в современном обществе и прояснить основные векторы влияния. Выводы и результаты проведенного исследования способствуют приращению знания по данной проблеме и могут служить базисом для дальнейших исследований.

Практическая значимость исследования связана с тем, что полученные в диссертации результаты могут быть использованы педагогами, социологами, социальными работниками, представителями органов государственной власти с целью учета рисков и осложнений в процессе внедрения общественных программ и для решения актуальных социальных проблем. Диссертация и отдельные ее положения могут быть использованы в учебном процессе при подготовке и чтении специальных и базовых курсов по социальной философии и философии культуры.

Степень достоверности результатов исследования.

Достоверность полученных результатов обусловлена привлечением и применением методов, соответствующих поставленным задачам и цели исследования, а также проработкой репрезентативного и достаточного для раскрытия темы корпуса источников и литературы.

Апробация работы:

Основные результаты диссертации изложены и обсуждены на всероссийских и международных конференциях: на Всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука. Технологии. Инновации» (г. Новосибирск, 2016 г.); на XIV Межрегиональной научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук (г. Новосибирск, 2016 г.); на Международной конференции студентов, магистрантов и молодых

ученых «Актуальные проблемы социальных наук» (г. Томск, 2016 г.); на XX Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 2016).

Положения диссертационного исследования изложены в 7 публикациях (общим объемом 2,16 п. л.), 3 из которых размещенных в научных журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (из них 1 статья в российском научном журнале, входящем в Web of Science).

Структура диссертационной работы включает введение, две главы, каждая из которых состоит из трех параграфов, заключение и список использованной литературы, содержащей 165 наименований. Общий объем диссертации – 138 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее теоретической разработанности, формулируются цель и задачи диссертации, определяются методологические основы исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации результатов исследования.

Первая глава исследования «Историко-философская картина реконструкции феномена современного цинизма» посвящена прояснению смысловых границ и природы изучаемого феномена, процесса его становления, проблем и имеющихся противоречий в его интерпретации и описании.

В первом параграфе **«Философская реконструкция социокультурных условий формирования концепта «цинического»: историческая перспектива»** затрагивается проблема происхождения и становления феномена «цинизма». Проводится генеалогический анализ рассматриваемого концепта, выявляются истоки его происхождения и обозначаются ключевые этапы в истории развития феномена от античности и до современности. В параграфе реконструируется динамика развития концепта «цинического» и прослеживается генезис представлений о содержательной стороне «цинизма» (обозначается момент «негативизации» понятия и приобретения им современных коннотаций). Автор исследования отмечает, что в современной интерпретации цинизм чаще предстает как некое моральное качество или даже тип человеческой организации, который попирает общепринятые нормы и правила

В результате проведенного анализа автор реконструирует основные смысловые этапы изменений исследуемого феномена:

1) В параграфе процесс формирования актуального понятия «цинизм» рассматривается как постепенное накопление смыслового содержания, начало которого обнаруживается в разделении «негативного» и «позитивного» планов античного цинизма как исторически первой формы цинизма. «Позитивный»

план интерпретируется как философская составляющая проекта кинизма, основанная на строгой самодисциплине и гармонии с природой в противовес государству и цивилизации, в котором киники видели корень всех проблем. «Негативным» планом считается внешнее проявление кинической философии, эпатажное поведение киников в обществе (на деле представлявшее наглядную, собственно «поведенческую критику» ложных ценностей), например публичное отправление естественных нужд, насмешки и ирония. Устанавливается, что на данном этапе возникает негативный импульс в понимании и восприятии кинической философии и кинического типа поведения.

2) Второй этап связывается с дальнейшим накоплением негативного потенциала в связи с исчезновением воспроизводимой философской традиции кинизма и сохранением образа киника, в основном, в рамках рассказов, басен и апокрифов. Автор исследования отмечает, что благодаря этому уже в новоевропейском дискурсе киник фигурирует как отрицательный персонаж, демонстрирующий модель недостойного поведения, основанного на интригах и уловках, а в обыденной речи появляется слово «циник».

3) Третий этап в смысловом наполнении понятия «цинизм» связан с эпохой Просвещения, которая создает предпосылки для становления актуальной формы цинизма и закрепляет образ циника, отсылающий к четкому и понятному «негативному» референту благодаря тому, что сам «цинизм» используется в критических целях для указания на то, какая нелюбимая альтернатива существует тому развороту общественной динамики, которая указана просвещенческим проектом. На данном этапе необходимо говорить об окончательном разграничении цинического концепта и кинической философии.

Автор делает окончательный вывод о том, что «цинизм» следует понимать, как метаисторический феномен сознания всегда актуализирующийся в типологически сходных исторических условиях (связанных с переломными эпохами, в которые возрастает потребность в переоценке привычных ценностных установок). Кроме того, отмечается, что в ходе историко-философской трансформации «цинизм» приобрел ряд смысловых значений, ранее не имевших хождения в кинической философии и оказался прочно увязан не только с этикой, но приобрел вид востребованной методологии теоретического анализа, что позволяет толковать его с разных смысловых позиций: мировоззренческой, критической, политологической, даже эстетической.

Во втором параграфе **«Концепт цинизма в социально-философской дискуссии»** представлен анализ исследований отечественных и зарубежных философов, посвящённых циническому феномену.

В результате систематизации исследований в философском осмыслении концепта «цинического» выделяются два подхода: 1) в горизонте первого дается представление о «цинизме» как о негативном и отрицательном явлении, 2) в рамках второго подхода осуществляется попытка оценить исследуемый феномен непредвзято и воссоздать его конструктивные стороны. Подчеркивается, что проникновение понятия «цинизм» в обыденную речь служит основанием для использования термина в качестве обозначения чего-то

опасного и угрожающего, без дополнительного рефлексивного прояснения такого использования данного термина.

Указывается, что в рамках первой линии внимание исследователей сосредотачивается на том, какие негативные последствия для личности, социума и культуры может иметь «цинизм», осмысляемый как деструктивный моральный феномен. Иллюстрацией так понятого «цинизма» служат работы М. Горького, Х. Ортеги-и-Гассета, И. М. Нахова. Вторая линия исследований современного «цинического» представляет анализа самого феномена, причин его появления и перспективной генеалогии. Такой анализ представлен в трудах у Д. Мазелы, В. Янкилевича, Ш. Стенли.

В параграфе особое место уделяется репрезентации основополагающей для диссертационного исследования концепции «цинизма», предложенной П. Слотердайком. Философ рассматривает цинизм как «просвещенное ложное сознание»: способ организации мышления, который демонстрирует знакомство с ценностными установками Просвещения, но не может или не хочет им следовать. Решающей мыслью П. Слотердайка является утверждение о повсеместном распространении цинизма как патологически всеобщего умонастроения.

На основе приведенного в параграфе обзора форм философской критики цинического феномена, делается вывод о том, что современный цинизм следует понимать в контексте взаимосвязанности онтологического и социального планов, как установку сознания, исходя из которой индивид интерпретирует происходящие события и реагирует на них. Указывается, что форма проявления цинического зависит от условий социальной среды и социального времени, поскольку напрямую увязана с реакцией субъекта на происходящее.

Обосновывается, что современный цинизм подлежит осмыслению в двух взаимосвязанных и дополняющих друг друга плоскостях:

- Онтологический горизонт полагания раскрывает его как критическую установку сознания, связанную с кризисом ценностной идентификации и бытийного основания.

- Социально-философский аспект репрезентирует цинизм как отношение, потенциально объясняющее взаимодействие индивидов и социальных институтов между собой и друг с другом.

Кроме того, отмечается, что циническое во всех своих аспектах отражает специфические изменения в форме организации сознания как индивидуального, так и общественного субъекта, проявляя себя через критическую установку в отношении традиционных, базовых ценностей той или иной исторической эпохи.

В третьем параграфе **«Постсовременность как поле развертывания цинического феномена»** предпринимается углубленный анализ взаимосвязи «цинизма» и Постмодерна в контексте распространенного в философских и культурологических исследованиях представления о синонимичности указанных понятий, а также убежденности в том, что Постмодерн является материальной основой современного цинизма. Посредством обращения к специфике актуального исторического момента, в параграфе артикулируются

основания для развертывания «цинизма» в его нынешней форме, а также отделяются «цинизм» и «Постмодерн».

В качестве основы для анализа используется классификация Д. Уэста, описывающая четыре взаимосвязанных контекста оформления исторического Постмодерна. Среди указанных контекстов выделяются «потенциально циничные» — способствовавшие возникновению представлений об идентичности «цинизма» и «Постмодерна». Такими являются:

1) радикально-критическое отношение к тем посылкам, с которыми ассоциируется европейское Просвещение – Постмодерн предстает оппозицией Просвещению в части его веры в разум, возможность достижения истины и т. д.;

2) влияние исторической действительности в Европе XX века, имеющей пересечение с мировой историей и отмеченной травматическим опытом.

Поскольку культура Постмодерна часто ассоциирована со скептическим умонастроением, проводится разграничение между «скептицизмом» и «цинизмом». Демонстрируется, что в Постмодерне скепсис, зачастую, оказывается синонимом сомнения особого рода – демонстрирующего позитивную составляющую, стремящегося к определенному итогу, становящегося способом самопроверки. В свою очередь цинизм, также имеющий в основании критическую установку, предпринимает критику иного рода, обесценивающую и развенчивающую те идеалы, на которые опирается сама вера в те или иные ценностные установки. Цинизм предстает как радикальная форма скептицизма.

Автор отмечает, что в Постмодерне «цинизм» заявляет о себе в том смысле, в каком существовал в эпоху Просвещения – как критическая составляющая программы, направленная на подрыв, демифологизацию и десакрализацию ценностных установок предшествующего социокультурного этапа – Модерна.

В конце параграфа делается вывод о том, что феномен цинизма не сводим к прямому следствию Постмодерна. Метаисторичность цинического становится аргументом против утверждения о том, что Постмодерн является родоначальником и источником цинизма вообще. Сам по себе отказ от просвещенческих установок не ведет к цинизму: «цинизм» в его современном виде оформляется и утверждается в связи с тем, как субъект современности осмысляет и переживает результаты десакрализации и демифологизации ценностных установок Модерна. Таким образом, утверждается, что Постмодерн – не причина цинических умонастроений, но, во многом, определяет ту форму, которую принимает феномен цинического. Указывается, что современный цинизм фиксирует и закрепляет тот культурный рефлекс, который зарождается в культуре Постмодерна как результат критического отношения к установкам предшествующего социокультурного этапа и разочарования субъекта в традиционной ценностной, социальной и культурной норматике.

Вторая глава исследования «Цинизм как форма критически-рефлексивного мировоззрения» посвящена анализу специфики «цинизма» как критически-рефлексивной формы мировоззрения современного субъекта.

В первом параграфе **«Цинизм как стратегия конституирования субъективности в условиях дефицита бытия»** рассматривается специфика конституирования современной субъективности в контексте цинической формы организации сознания. В качестве опорной используется методология «онтологического приспособления», предложенная отечественным исследователем Е. В. Биричевой, которая рассматривает «субъекта» как несубстанциальное основание бытия, основанное на динамическом поиске способа своего осуществления. Осмысление сложившейся онтологической диспозиции с применением этой методологии позволяет выявить уникальный для современного индивида способ сосуществования с миром, который заключается в конституировании субъективности на основе «цинизма» как формы мироотношения.

Постулируемый постмодерном отказ от легитимации метанарратива интерпретируется как потеря устойчивого базиса. Указывается, что современная онтологическая ситуация отличается характеристиками становления и гетерогенности. Автор диссертации убежден, что дефицит «бытийственности» применительно к современности приводит к невозможности отыскать надежное, гарантированное, однозначное онтологическое основание по примеру привычной, классической трактовки бытия. Классический «субъект» теряет возможность выступать как такой фундамент, поскольку субъект современный обнаруживает себя вторичным по отношению к экономическому, политическому и даже психологическому дискурсу.

Авторская позиция иллюстрируется на примере кризиса социальной идентичности – стержневого общественного процесса, отражающего онтологический аспект разрушения устойчивого основания. Так современное сознание и самосознание индивидом своего положения в мире, обладающем характеристиками становления, изменчивости и плюральности, демонстрируют бесконечный процесс самоидентификации. Нестабильность сознания индивида основана на том, что он вынужден постоянно примерять на себя, сохранять и поддерживать множество, зачастую, противоречивых матриц идентичности. Отмечено, что амбивалентность современного типа социальности, во многом, исходит из противоречивых склонностей самого индивида, который демонстрирует все признаки «отчужденного» существования, но не способен отказываться от привычки обрести надежную, отвечающую его потребностям идентичность.

Кроме того, автор отмечает, что горизонт «травмы» характеризует тот социальный, исторический и эмоциональный контекст, который выступает средой для формирования субъекта, со специфическим типом мироощущения, следствием которого является формирование цинической формы мировоззрения, реакции на мир. Ситуация травмы, ставшая для культуры стержневой, распространяет это чувство минимизации и ускользания собственных онтологических оснований на индивида. Индивид сталкивается с угрозой не-бытия и предпринимает попытку осмыслить ее в своем повседневном опыте. Таким образом, упрочивание индивидуального существования субъекта современности связано с желанием противостоять

чувству онтологической нехватки, по возможности отстранившись и тем самым защищая себя от него.

Указывается, что именно «циническое» на онтологическом уровне выводит на поверхность теоретического осознания ту конституцию сознания, которая эмпирически воспринимается как сознание фрагментарное и плохо поддающееся сборке. Отмечается, что циническое сознание – это разновидность «несчастливого», «травмированного», разочарованного сознания. Тем не менее это сознание такого субъекта, который нашел в себе силы встроиться в логику социальной активности, при том, что оно остается сознанием субъекта, потерявшего онтологическое основание. «Цинизм» как конкретная форма, которую приняло несчастное сознание в контексте столкновения Модерна и Постмодерна, продуцирует определенный габитус социальности, который возникает в результате «травмы» как способ реактивности, «совладания с травмой». Цинизм проявляет себя в качестве такой структуры, благодаря которой единственно возможно существование «расколотого» сознания и «расколотого» индивида, лишенного возможности выстроить инвариантную, одну-единственную, устойчивую идентичность.

В связи с этим автор делает вывод о том, что на уровне индивидуального восприятия субъекта, на уровне самочувствования, цинизм «заступает» ускользящее основание бытия. На социальном уровне циническое мировоззрение проявляется как тип организации сознания, который учреждает социального субъекта. Циническое мировоззрение в параграфе понимается как состояние, в котором психика индивида демонстрирует достаточную гибкость, чтобы интерпретировать происходящее и сохранять как внешнюю, так и внутреннюю активность наименее затратным для собственных психоэмоциональных ресурсов образом.

Во втором параграфе **«Стратегия цинической адаптации: конструктивные и деструктивные формы»** обсуждаются адаптивные стратегии, реализуемые современным индивидом для приспособления к травмирующей его социальной действительности.

В параграфе концепт цивилизационной смены трех стадий симуляции Ж. Бодрийера используется для реконструкции адаптивного механизма, свойственного цинической форме мировоззрения. Согласно указанному концепту современная социальность описывается как симуляция - воспроизводство господствующего в культуре кода, который выступает в качестве универсального закона ценности. Кодом, организующим постсовременную реальность, является «потребление», формирующее и модель человека-потребителя. Автор диссертации убежден, что в такой ситуации обнаруживается «избирательная» рефлексивность современного субъекта, представляющая своеобразный механизм цинической адаптации. Современный цинический субъект воспринимает модель человека-потребителя как «навязанную», но продолжает примерять ее на себя, поскольку это наиболее простой, понятный и экономичный путь существования в декорациях «современности». Циническая установка сознания выступает в качестве дополнительного, *прирожденного* критического навыка – что-то субъект

способен воспринимать обостренным образом, в то время как что-то другое ускользает от его рефлексии исходя из соображений *удобства* и *психологического комфорта*. На этом основании утверждается, что циническая установка сознания задает контуры мировоззрения, которое следует охарактеризовать как *критически-рефлексивное*. Автор указывает, что такая форма мировоззрения всегда имеет перед собой вполне определенную цель – предложить субъекту стратегию миропонимания и действия, позволяющую оформить мир минимально затратным с точки зрения психоэмоциональных ресурсов образом. Сам же индивид не воспринимает свое мировоззрение как «циническое» – в его представлении, речь идет о прагматическом, реалистично скорректированном взгляде на вещи.

Согласно авторским выводам, адаптационные стратегии в случае цинического умонастроения реализуются в **конструктивном** и **деструктивном** ключе. Отмечается, что обе адаптационные стратегии действуют как «эффект ансамбля», взаимно дополняя и достраивая друг в друга до универсального способа обращения с миром. Указанные стратегии разграничиваются в опоре на концепцию «рутинного цинизма», предложенную Л. Лангстраат.

Конструктивные стратегии осмысливаются как рефлексивные в своей основе, служащие для преодоления эмоциональной гегемонии. Такой тип сознания *критически* заострен по адресу любых очевидных истин и близок к позиции «здорового скептицизма». **Деструктивные** – ассоциируются с ложной защитной реакцией, демонстрирующей склонность к отчуждению. Переход к деструктивным стратегиям осуществляется в поле «рутинного цинизма», в условиях, когда ожидаемая единичная подозрительность трансформируется в подозрительность повсеместную, становится своего рода нормой и выступает как горизонт любого социального взаимодействия. Деструктивность такой формы адаптации проявляется в том, что она не способна эмоционально поддерживать субъекта, так как последний регулярно впадает в тотальную подозрительность. Отмечается, что наиболее подрывным аспектом такой адаптационной модели становится легитимация для индивида позиции отчужденного наблюдателя, осознанно выбирающего бездействие.

В параграфе формы цинического отчуждения иллюстрируются с привлечением моделей цинического действия: 1) «циника-декадента», 2) «циника-ироника» и 3) «циника-релятивиста».

Стратегия «циника-декадента» характеризуется стремлением завуалировать, подменить образ реальности, который по каким-то причинам не устраивает индивида, другим, более комфортным. Стратегия «циника-ироника» заключается в стремлении культивировать собственное чувство превосходства, заведомо завышая притязания таким образом, что субъект осознает невозможность их удовлетворить. Стратегия «циника-релятивиста» расценивается как отказ от возможности сказать или сделать что-либо однозначно осмысленное, отказ высказывать прямое критическое суждение или принимать решение.

В третьем параграфе «**Деконструкция социального порядка на основании цинической интерпретации: этнометодологический анализ**»

рассматривается специфика репрезентации адаптивных стратегий в условиях общества.

Указывается, что аналитически схема реализации индивидом любой адаптивной стратегии выглядит следующим образом – субъект добровольно выбирает следование стереотипу и формам поведения, предписанным ему извне, в то время как внутренне он может от них дистанцироваться.

Отношение цинического субъекта к действительности путем разворачивания адаптивных стратегий в параграфе рассматривается как видимым образом явленный модус деконструкции. Для целей диссертационного исследования понятие деконструкции трактуется как упрощение и видоизменение социальной реальности до того состояния, в котором индивид, носитель современного несчастного, травмированного сознания, способен существовать с минимальными психоэмоциональными затратами. Отмечается, что момент такой деконструкции не осознается субъектом, в большой степени являясь следствием воплощения индивидуальных дорефлексивных адаптивных стратегий. На социальном уровне такие стратегии заявляют о себе как деконструкция базовых регионов социальности – этического, эстетического и политического – дающая общий эффект в виде их упрощения и инверсии.

Предпринимается этнометодологический анализ современной социальности обнаруживающий цинизм в структуре общественной жизни на уровне «фоновых ожиданий», на основании которых организуется и структурируется повседневная активность субъекта в различных горизонтах представления социального. Устанавливается, что цинизм выступает основанием, благодаря которому субъектом создается «новое поле смысла»: любому значащему поступку, социальному знаку и межсубъектному взаимодействию приписана адекватная и осмысленная интерпретация. «Базисным правилом» (Г. Гарфинкель) такого цинического субъекта является убежденность того рода, что у всех и всего есть *скрытые мотивы*.

Делается вывод о том, что цинический субъект осмысляет, пересобирает и переинтерпретирует реальность-для-себя, доступную ему посредством его собственной фактичности и событийности. Таким образом, социальный мир, который выстраивает вокруг себя циник, это результат деконструктивного усилия, это упрощение любого как общественного, так и личного мотива, социальной нормы, психологической установки с целью избежать ответственности и минимизировать траты психоэмоционального ресурса.

Деконструкция циником *этической* сферы характеризуется как специфическая моральная редукция. В сфере *эстетического* – как снижение порога эстетической чувствительности – уравнивание всего со всем, стирание границ между культурой высокой и низкой, стремление упростить и стандартизировать эстетическое восприятие. В сфере *политики* деконструкция заявляется о себе как инструмент разоблачения скрытых мотивов власти, что нарушает возможность критики путем усиления «системного», встроенного в структуру власти как механизм, критицизма. Отмечается, что поскольку сфера политики – это сфера публичной реализации отношений власти, то ее восприятие как глубоко циничной может закреплять особую циническую этику.

Собственную редукцию моральных принципов к эгоистическим интересам индивид может воспринимать как ответ на подобное же поведение представителей публичной власти.

Это позволяет субъекту сдерживать прямую активности в политической сфере, поскольку, в большинстве своем, она воспринимается как заведомо бессмысленная. С опорой на типологию А. В. Оболонского систематизируются четыре политические формы адаптации цинического субъекта: 1) «активистский конформизм», 2) синдром «маленького человека», 3) синдром «человека одинокого», 4) «господствующий цинизм»,

1) «*Активистский конформизм*» представляет собой демонстративную псевдоактивность, нерелексивную солидаризацию с существующим политическим курсом. 2) Синдром «*маленького человека*» предстает как признание собственной некомпетентности и малозначимости в ходе принятия каких бы то ни было политических решений. 3) Синдром «*человека одинокого*» – схож с предыдущей формой адаптации, правда уклонение от ответственности цинического субъекта происходит через своеобразное самоуничтожение «что я могу один»? Три указанных формы адаптации в полной мере описывает так называемый «цинизм подданных», цинизм субъекта, который воспринимает себя как субъекта подневольного и подчиненного обстоятельствам, реальности, власти и т. д. 4) *Господствующий субъект* знает, принимает и осознано солидаризируется с «теневой» стороной власти, тем самым утверждая невозможность изменить существующие властные механизмы. Цинизм в такой конфигурации признается вполне оправданным, поскольку его применение вписывается в «легитимные» правила политического действия.

В **заключении** подводятся итоги и обобщаются выводы исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора (7 публикаций общим объемом 2,6 п.л.):

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Гукова А. В.** Цинизм как форма мировоззрения: этический контекст / А. В. Гукова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 7, ч. 2. – С. 114–117. – DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/2-114-117. – 0,46 а.л.

2. **Гукова А. В.** Кризис индивидуации и стратегии властного воздействия в контексте цинического мировоззрения / А. В. Гукова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11 (61), ч. 3. – С. 55–57. – 0,3 а.л.

3. **Гукова А. В.** Современный цинизм как форма критически-релексивного мировоззрения / А. В. Гукова // Вестник Томского

государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 44. – С. 5–10. – DOI: 10.17223/1998863X/44/1. – 0,6 а.л.

Web of Science:

Gukova A. V. Modern cynicism as a form of critical-reflexive worldview / A. V. Gukova // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta-Filosofiya-Sotsiologiya-Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science. – 2018. – № 44. – P. 5–10.

Публикации в прочих научных изданиях:

4. **Гукова А. В.** Культура постмодерна / А. В. Гукова // Россия, Запад и Восток: диалог культур : сборник статей Первой Международной молодежной научно-практической конференции. Томск, 28–29 апреля 2014 г. – Томск, 2014. – С. 13–15. – 0,2 а.л.

5. **Гукова А. В.** Модерн и постмодерн как основа формирования феномена современного «цинизма» / А. В. Гукова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 11, ч. 9 : по материалам XX Международной научно-практической конференции. Белгород, 30 ноября 2016 г. – С. 10–12. – 0,2 а.л.

6. **Гукова А. В.** «Цинизм» как мировоззренческая основа современной этики / А. В. Гукова // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XIV Межрегиональной научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск, 01 декабря 2016 г. – Новосибирск, 2016. – С. 41–43. – 0,2 а.л.

7. **Гукова А. В.** Концепция «miasmatic cynicism» L. Langstraat / А. В. Гукова // Наука. Технологии. Инновации : сборник научных трудов X Всероссийской научной конференции молодых ученых. Новосибирск, 05–09 декабря 2016 г. – Новосибирск, 2016. – Ч. 8. – С. 31–33. – 0,2 а.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 6013/19 от «01» июля 2019 г. Тираж 100 экз.
г. Томск Московский тр.8 тел. 53-15-28